
Валера Виртуоз
Горести княжны
18+

Валера Виртуоз

Горести княжны

https://litres.ru/74773214
SelfPub; 2026

Аннотация

Русская история 18 века под знаком беллитристики. Прозаический любовный мини - роман. Княжна Екатерина Долгорукая вовлечена в водоворот тревожащих сердце событий и придворных интриг.

Валера Виртуоз
Горести княжны

№ 1

Зал дворца гудел, словно потревоженный улей, переливаясь золотом свечей и блеском бриллиантов. Но для семнадцатилетней княжны Екатерины Долгоруковой весь этот петербургский блеск, тяжелый бархат занавесей и гомон напудренных вельмож вдруг отступили на задний план, растворившись в первых тактах менуэта.

Это был её первый бал. Её первый настоящий выход в свет, к которому матушка и тетушки готовили её с самого утра. Пышная юбка платья из нежно-голубого лионского шелка на широких фижмах тихо шуршала при каждом движении, словно морской прибой. Туго затянутый корсаж, расшитый серебряной нитью и мелким жемчугом, делал её талию невероятно тонкой, почти хрупкой, а глубокое квадратное декольте, отделанное тончайшим брюссельским кружевом, открывало высокую белую шею. Над ней возвышалась сложная, модная в том 1728 году высокая прическа — «фонтанж» с мягкими локонами, слегка припорошенными пудрой, в которые были вплетены живые белые розы и нити жемчуга.

Екатерина чувствовала легкую дрожь в кончиках пальцев, затянутых в длинные лайковые перчатки. Взгляды десятков людей — любопытные, оценивающие, завистливые — скользили по ней. Но она видела только одного человека.

Граф Мелиссимо стоял напротив, и в его темных, живых глазах читалось не просто светское восхищение, а нечто гораздо более глубокое и смелое. На австрийском дипломате был сшитый по последней венской моде кафтан из темно-бордового сукна, богато расшитый золотым позументом на обшлагах и полах. Из-под него виднелся камзол цвета слоновой кости, а у горла пышно пенилось кружевное жабо. Безупречно напудренный парик с аккуратными буклями по бокам подчеркивал благородные, чуть резковатые черты его лица, а на поясе поблескивала рукоять парадной шпаги.

Когда оркестр заиграл, граф шагнул вперед и склонился в изысканном, безукоризненном поклоне. Екатерина ответила глубоким реверансом, чувствуя, как к щекам приливает предательский румянец, который не могла скрыть даже легкая пудра.

Он подал ей руку. Его ладонь сквозь тонкую кожу перчатки показалась ей удивительно теплой и надежной. Они ступили в круг.

Менуэт — танец неспешный, церемониальный, созданный для того, чтобы дамы и кавалеры могли продемонстрировать осанку, грацию и знание этикета. Но в их исполнении строгие па обрели скрытый, понятный только им двоим

смысл. Когда они сходились в центре зала, взгляды их встречались, и в эти считанные секунды весь огромный зал переставал существовать. В глазах Мелиссимо светился неподдельный восторг, смешанный с нежностью, а Екатерина, забыв о строгих наставлениях отца, отвечала ему открытой, сияющей улыбкой, в которой сквозило девичье любопытство и зарождающееся чувство.

Во время плавных поворотов, когда граф бережно поддерживал её за кончики пальцев, он едва заметно наклонялся ближе, и сквозь звуки скрипок и клавесина до неё долетал его тихий, бархатный голос с легким иностранным акцентом:

— Вы затмили сегодня всех звезд петербургского неба, княжна. Боюсь, после этого вечера у австрийского посольства прибавится врагов — все кавалеры возненавидят меня за то, что первый танец достался мне.

Екатерина опустила ресницы, пряча смущение, но уголки её губ дрогнули в лукавой улыбке:

— Дипломатам пристало улаживать конфликты, граф, а не создавать их.

Он тихо рассмеялся, и этот звук показался ей прекраснее музыки. Вся её скованность исчезла. Она двигалась легко и свободно, словно парила над паркетом, чувствуя, как между ними протягивается невидимая, но прочная нить. Каждый их жест, каждый поворот головы, каждая мимолетная встреча ладоней были наполнены немым признанием. Они еще не знали, что впереди их ждут тайные записки, пылкие клятвы

и жестокий удар судьбы, который разлучит их навсегда. Но в этот миг, под сводами освещенного зала, среди шелка, кружев и музыки, существовали только они двое — юная русская княжна и влюбленный австрийский граф, танцующие свой первый танец.

№ 2

Петербуржский дождь монотонно стучал в высокие окна особняка австрийского посольства, затягивая серой пеленой широкую гладь Невы. В кабинете было тихо, пахло сургучом, старой бумагой и дорогим табаком. На массивном дубовом столе перед графом Мелиссимо лежала недописанная депеша в Вену — сухой, выверенный отчет о настроениях при русском дворе. Перо в его руке замерло, и черная капля медленно сорвалась с кончика, расплывшись кляксой на гербовой бумаге.

Граф даже не заметил этого. Он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, и серый петербургский полумрак мгновенно сменился ослепительным сиянием бального зала.

Она стояла перед ним — живая, реальная, до боли прекрасная. Вот уже третью неделю он жил словно во сне, оторванный от земли, парящий на каком-то неведомом, возвышенном облаке, куда не долетал шум столичных улиц. Он был искушенным европейцем, видел блистательных красавиц Вены, Парижа и Венеции, привык к их отточенному ко-

кетству и заученным улыбкам. Но ни одна из них не могла сравниться с этой семнадцатилетней русской княжной. В Екатерине была та редкая, первозданная свежесть утренней зари, та хрупкая чистота и естественная грация, от которых у него перехватывало дыхание.

Память с пугающей, почти болезненной точностью хранила каждое мгновение того вечера. Он помнил легкий, едва уловимый аромат белых роз и пудры, исходивший от её высокой прически. Помнил, как шелестел нежно-голубой лионский шелк её платья при каждом повороте менуэта, как дрожали длинные ресницы, когда она опускала взгляд, пряча смущение, и как ярко вспыхивали её глаза, стоило ей услышать его голос. Ему казалось, что он до сих пор ощущает сквозь тонкую кожу перчатки тепло её маленьких, чуть дрожащих пальцев. Весь тот бал теперь представлялся ему не светским раутом, а дивной, волшебной сказкой, в которой он по воле судьбы стал главным действующим лицом.

Но сказка оборвалась так же внезапно, как и началась. Через несколько дней после бала семейство Долгоруковых покинуло Петербург, уехав в свое родовое имение под Москвой. И вместе с их каретой из жизни графа исчезли краски.

Мелиссимо тяжело вздохнул, провел ладонью по лицу и поднялся с кресла. Он подошел к окну, вглядываясь в хмурое, низкое небо, словно там, за сотнями верст лесов, болот и проселочных дорог, он мог разглядеть очертания далекой подмосковной усадьбы. Сладкое, возвышенное опьяне-

ние любовью причудливо переплеталось в его душе с глубокой, тягучей меланхолией. Разлука казалась невыносимой.

Его привычный мир рухнул, потеряв всякий смысл. Служба в посольстве, еще недавно казавшаяся увлекательной игрой умов и амбиций, теперь вызывала лишь глухое раздражение и смертельную скуку. Многочасовые беседы с шурином-послом о торговых пошлинах, придворных интригах и европейских союзах проходили мимо его ушей как пустой, бессмысленный шум. Граф стал до неприличия рассеян: он путал имена сановников, забывал о назначенных визитах, подолгу молчал на званых ужинах, устремив невидящий взгляд куда-то в пространство. Коллеги по миссии переглядывались, недоумевая, что случилось с блестящим, остроумным дипломатом, который в одночасье превратился в бледного, задумчивого мечтателя.

А он просто не принадлежал больше себе. Все его существо, каждая мысль, каждый удар сердца устремлялись туда, на юг, к далекому подмосковному имению, где сейчас, быть может, так же смотрит в окно юная княжна, вспоминая звуки менуэта. Граф Мелиссимо вернулся к столу, скомкал испорченный лист с официальной депешей и бросил его в камин. Взяв чистый лист тонкой веленевой бумаги, он снова обмакнул перо в чернильницу — но писать ему хотелось вовсе не о политике, а о том, как пуст и холоден весь Петербург без её улыбки.

№ 3

В старинном подмосковном имении Долгоруковых время текло неторопливо и величаво, словно широкая река в летний полдень. За высокими стрельчатыми окнами усадебного дома шумели вековые липы, ветер гнал по аллеям опавшую листву, а внизу, в парадных залах, гулко раздавались шаги отца, занятого государственными делами и чтением столичных вестей.

Но в светлой угловой комнате на втором этаже царил совсем иной мир — тихий, затаенный и наполненный сладкой, тревожной тайной.

Семнадцатилетняя княжна Екатерина сидела у пялец, но иглу в руке держала почти неподвижно. Шелковая нить запуталась, а узор на канве замер на полпути. Взгляд девушки то и дело ускользал к распахнутому окну, за которым тянулась уходящая на север, в сторону далекого Петербурга, проселочная дорога.

После возвращения из столицы привычная усадебная жизнь показалась ей тесной и беззвучной. Домашние забавы, прогулки по парку, беседы с тетушками и младшими сестрами — все это вдруг утратило прежнюю прелесть, превратившись в тусклый фон для одного-единственного воспоминания, которое Екатерина бережно хранила в самом тайном уголке сердца.

Она закрывала глаза, и тишина комнаты мгновенно на-

полнялась звуками скрипок и клавесина. Она снова видела ослепительный свет сотен свечей, чувствовала легкую тяжесть праздничного платья из голубого лионского шелка и ощущала то самое трепетное, ни с чем не сравнимое волнение своего первого бала. Но яснее всего перед ней вставало лицо графа Мелиссимо. Его темные, внимательные глаза, в которых не было ни привычной петербургской насмешки, ни холодного расчета — только живой, искренний огонь и неподдельное восхищение. Она вспоминала его бархатный голос с мягким иностранным акцентом, его безукоризненный поклон и то, как бережно и тепло он держал её за кончики пальцев во время менуэта.

Екатерина тихо вздохнула и прижала ладонь к груди, словно пытаясь унять внезапно застучавшее сердце. В свои семнадцать лет она еще не знала, как называется это чувство, но оно перевернуло всю её душу. Ей казалось, что в тот вечер между ними родилось нечто особенное — хрупкое, как весенний лед, и невероятно прекрасное. Но с каждым днем разлуки в сердце закрадывалась тихая грусть: помнит ли он её? Не закружили ли блестящего австрийского дипломата столичные балы, новые красавицы и важные государственные дела?

Дверь в комнату тихо скрипнула. Екатерина вздрогнула и поспешно склонилась над пяльцами, делая вид, что увлечена вышивкой. В спальню неслышно вошла её верная сенная девушка, Дарья, выросшая с княжной с самого детства

и знавшая все её секреты. Оглянувшись на притворенную дверь, Дарья быстро подошла к хозяйке и, таинственно блеснув глазами, достала из-под кружевного передника небольшой сверток, перевязанный тонкой шелковой лентой.

— Откуда это, Даша? — шепотом спросила Екатерина, чувствуя, как к щекам мгновенно приливает краска.

— От петербургского гонца, барышня, — так же тихо ответила девушка. — Приехал с бумагами для батюшки, а в прихожей шепнул, что велено передать сие лично в руки княжне Екатерине Алексеевне, да так, чтобы никто из старших не ведал.

Пальцы Екатерины слегка задрожали, когда она приняла сверток. Развязав ленту, она развернула плотную бумагу и замерла. Внутри лежал тонкий, изысканный лист веленевой бумаги, исписанный изящным, летящим почерком на французском языке, а рядом — крохотная засушенная веточка белой розы, точно такой же, какие были вплетены в её прическу в ночь бала.

Сердце княжны забилось так сильно, что, казалось, его стук слышен во всей комнате. Она поднесла письмо к лицу — от бумаги исходил едва уловимый, тонкий аромат дорогого мужского парфюма и воска. Развернув лист, она пробежала глазами первые строки, и губы её сами собой тронула счастливая, сияющая улыбка:

«Мадемуазель, с того вечера, как Вы покинули берега Невы, над Петербургом словно погасло солнце, а музыка на-

всегда замолчала...»

Вся накопившаяся за недели разлуки печаль мгновенно растаяла без следа. Он помнил. Он думал о ней так же, как и она о нем. Екатерина прижала письмо к груди, глядя в окно на золотые кроны осенних лип, и впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему счастливой — влюбленной, любимой и готовой ждать встречи столько, сколько потребуется.

№ 4

Ночь в подмосковном имении была глубокой и безмолвной, лишь старые напольные часы в коридоре мерно отсчитывали секунды, да ветер тихо шуршал голыми ветвями за окном. В спальне княжны Екатерины горела единственная восковая свеча. Её неровный, золотистый свет выхватывал из полумрака бюро красного дерева, за которым сидела девушка, склонившись над чистым листом бумаги.

Письмо графа Мелиссимо, перечитанное уже десятки раз, лежало перед ней рядом с засушенной веточкой белой розы. Оно согревало душу, но вместе с тем пробудило в юной княжне острую, почти нестерпимую тоску по другой жизни — той, которую она успела увидеть и полюбить еще девочкой.

Екатерина обмакнула гусиное перо в чернильницу, на мгновение задумалась, глядя на пляшущий язычок пламени,

и решительно коснулась бумаги. Ей хотелось открыть этому человеку всю свою душу, без оглядки на строгие приличия и страх быть разоблаченной.

Она писала по-французски — на языке, который казался ей языком свободы, легкости и изящества. В изящных, чуть порывистых строках она признавалась графу, что их встреча на петербургском балу всколыхнула в её памяти самые светлые воспоминания детства. Она рассказала ему о тех счастливых годах, когда жила в Варшаве, в доме своего родственника, русского посланника князя Сергея Григорьевича Долгорукова. Там, в блестящей польской столице, окруженная европейскими дипломатами, музыкой, книгами и живыми беседами, она впервые узнала, что мир может быть иным — открытым, ярким, полным уважения к человеческой мысли и чувству.

Перо заскользило быстрее, словно выплескивая на бумагу все, что копилось в её сердце долгими месяцами. Екатерина писала о том, как тяжело и душно ей в родной стране, где, несмотря на все петровские перемены, в знатных семьях по-прежнему царит незыблемый, суровый домострой. Она жаловалась, что здесь судьбу девушки решают за закрытыми дверями, словно выгодную сделку, не спрашивая её сердца; что женщину с колыбели приучают к слепому послушанию воле отца и братьев, лишая права на собственный выбор.

«Во мне живет слишком свободолюбивая натура, граф, — выводила она тонким почерком. — Я задыхаюсь в этих зо-

лоченых клетках. Я грежу о Европе — о Вене, о Париже, о тех краях, где человек волен дышать полной грудью и сам выбирать свою судьбу. Увидев Вас, услышав Вашу речь, я словно вновь ощутила тот вольный ветер, по которому так истосковалась моя душа...»

Закончив письмо, Екатерина перечитала его, чувствуя, как щеки пылают от собственной смелости. Написать такое иностранному дипломату было дерзостью, почти вызовом всему укладу её семьи. Но страха не было. Она аккуратно сложила лист, запечатала его безымянной печаткой с изображением голубя и передала верной Даше, наказав отправить послание в Петербург, в австрийское посольство, с самым надежным человеком.

№ 5

Прошло несколько недель, и судьба словно услышала тайные молитвы влюбленных. Зимой императорский двор во главе с юным Петром II перебрался из сырого Петербурга в первопрестольную Москву. Вслед за двором в древнюю столицу потянулись и иностранные посольства, а вместе с ними — и граф Мелиссимо.

Их первая встреча после долгой разлуки произошла на большом придворном приеме в Лефортовском дворце.

Когда граф вошел в залитую огнями галерею, сердце его сжалось от сладкого предчувствия. И он не ошибся. Среди

пестрой толпы царедворцев, боярских жен в тяжелых парчовых платьях и гвардейских офицеров он мгновенно отыскал глазами её. Екатерина стояла у мраморной колонны в окружении фрейлин. На ней было платье цвета спелой вишни, оттенявшее белизну её кожи, а в глазах горел тот самый живой, непокорный огонь, о котором он читал в её тайном письме.

Едва их взгляды встретились, весь шум придворного бала снова исчез. Екатерина вздрогнула, и на её лице расцвела такая искренняя, сияющая радость, что граф забыл обо всех правилах дипломатической сдержанности. Он пересек зал быстрым, уверенным шагом и склонился над её рукой, задержав её в своих ладонях чуть дольше, чем позволял самый смелый этикет.

— Ваше письмо стало для меня единственным светом в темные петербургские дни, княжна, — тихо произнес он на французском, глядя ей прямо в глаза, пока музыка оркестра заглушала их слова от любопытных ушей. — Вы даже не представляете, как близка мне Ваша тоска по свободе. Я готов стать Вашим проводником в тот мир, о котором Вы мечтаете, если только Вы позволите мне быть рядом.

Екатерина подняла на него сияющие глаза. В их глубине больше не было робкой семнадцатилетней дебютантки — перед ним стояла молодая женщина, осознавшая силу своего чувства и готовность бороться за свое счастье.

— Я ждала этого дня каждую минуту, граф, — прошептала она, когда он повел её в танец. — И теперь, когда Вы здесь,

мне кажется, что никакие стены и никакие запреты больше не властны над нами.

В тот зимний московский вечер, кружась под сводами дворца, они оба верили, что вся жизнь впереди принадлежит только им — и не замечали, как из тени парадных дверей за ними уже пристально и холодно наблюдает князь Алексей Григорьевич Долгоруков, в голове которого уже созревал совсем иной, грандиозный и беспощадный план относительно судьбы его старшей дочери.

Май 1729 года в Подмосковье выдался на редкость теплым и щедрым. Воздух вокруг усадьбы Горенки, богатого поместья князей Долгоруковых, был напоен густым, почти хмельным ароматом цветущей сирени, влажной весенней земли и молодой березовой листвы.

Старая проселочная дорога, уводившая в сторону от парадных ворот усадьбы, ныряла в узкую просеку, плотно укрытую от посторонних глаз зеленым шатром разросшихся деревьев. Здесь царила звенящая тишина, нарушаемая лишь щебетом птиц да мерным стуком копыт. По этой безлюдной колее неспешно катилась легкая дорожная карета без княжеских гербов на дверцах. Выехав на небольшую лесную поляну, кучер натянул вожжи, и экипаж плавно остановился.

Оконце кареты опустилось. В темном проеме показалась изящная головка княжны Екатерины. На ней была легкая весенняя шляпка из тонкой соломки, украшенная шелковой лентой, из-под которой выбивались мягкие каштановые ло-

коны. Девушка с легким волнением вглядывалась в глубину просеки, прислушиваясь к каждому шороху леса.

Ждать пришлось недолго. Из противоположного конца дороги, из-за поворота, заросшего кустами дикой сирени, показался всадник. Он ехал быстрой рысью на вороном коне. Увидев стоящую карету, он придержал поводья, перевел коня на шаг и направился прямо к экипажу. Это был граф Фридрих Мелиссимо. Вместо парадного придворного кафтана на нем был простой дорожный сюртук темного сукна и высокие сапоги для верховой езды, но даже в этом скромном наряде он сохранял безупречную выправку и природное изящество.

Подъехав вплотную к карете, Фридрих легко спрыгнул с седла, накинул поводья на нижнюю ветку березы и приблизился к опущенному окну. На миг он замер, словно боясь спугнуть это дивное видение, затем снял треуголку и склонился в глубоком, почтительном поклоне.

— Простите меня, княжна, — негромко начал он, и в его голосе слышались искреннее раскаяние и легкая тревога. — Простите за мою дерзость и за то, что я осмелился вызвать Вас сюда, подвергая опасности Ваше доброе имя. Знаю, я не имел права просить о такой встрече, но сердце мое не знало покоя с самого нашего последнего разговора.

Екатерина смотрела на него сверху вниз, из глубины кареты, и на её губах играла светлая, удивительно спокойная и теплая улыбка. В её глазах не было ни тени упрека или стра-

ха — только тихая радость и полная доверчивость.

— Вам не за что просить прощения, Фридрих, — мягко ответила она, чуть склонив голову набок. — Если бы я не хотела этой встречи, ни одна сила в мире не заставила бы мою карету свернуть на эту дорогу. В усадьбе сейчас слишком много глаз и слишком много чужих разговоров. Здесь же — только весна, лес и Вы.

От неё исходило столько чистого света, столько живого, непринужденного душевного тепла, что у графа по-настоящему закружилась голова. Он стоял у дверцы кареты, вдыхая смешанный аромат сирени и её тонких духов, и чувствовал себя словно хмельным от этого весеннего воздуха и её близости. Он поднял руку и осторожно коснулся кончиками пальцев её ладони, лежавшей на бархатной обивке оконной рамы.

— Знаете, Екатерина, — тихо произнес он, глядя прямо в её лучистые глаза, — до этого самого дня я совершенно не знал России. Я смотрел на неё из окон посольства, сквозь пыль придворных интриг, холодных церемоний и сухих депеш. Она казалась мне суровой, закрытой и чужой. И только сейчас, глядя на Вас посреди этого весеннего леса, я вдруг понял её душу. В Вас вся её красота — необъятная, искренняя и живая.

Княжна тихо рассмеялась, и этот звук прокатился по поляне, словно звон лесного ручья.

— Боюсь, Вы слишком идеализируете и Россию, и меня,

мой друг, — с легкой лукавой нежностью сказала она, не отнимая руки. — Но мне так отрадно слышать эти слова. Рядом с Вами я сама забываю обо всех тревогах и чувствую себя так, словно мы уже далеко отсюда — там, где никто не вправе указывать нам, кого любить.

— Мы обязательно окажемся там, где будем принадлежать только друг другу, — твердо сказал Фридрих, бережно сжимая её пальцы. — Даю Вам слово дворянина.

Они продолжали тихо переговариваться у окна кареты, забыв о времени и об опасности быть замеченными. Их слова были простыми и легкими, как сам майский ветер, но за каждой фразой стояло глубокое, окрепшее чувство. В этот час, на безлюдной просеке близ Горенок, посреди благоухающей весны, они были совершенно счастливы — два молодых сердца, нашедших друг друга вопреки всем границам и условностям огромного, сурового мира.

№ 6

Летний зной 1729 года лениво стелился над садами Лефортова, но в прохладных, просторных покоях Головинского дворца царила атмосфера праздности и юношеского разгула. Высокие окна были распахнуты настежь, впуская аромат цветущих лип и стрекот кузнечиков с берегов Яузы.

Четырнадцатилетний император Пётр II, вытянувшийся за последний год не по возрасту, но все еще сохранивший

в лице подростковую угловатость и капризную избалованность, полулежал на широкой турецкой оттоманке. На нем был расстегнутый у ворота шелковый шлафрок, а рядом на инкрустированном столике стояли кубки с венгерским вином и серебряное блюдо с персиками. Напротив, вальяжно развалившись в резном кресле и закинув ногу на ногу, сидел его ближайший наперсник, фаворит и обер-камергер — двадцатилетний князь Иван Алексеевич Долгоруков.

В покоях не было ни седых сенаторов, ни строгих наставников — только они двое, связанные бесшабашными охотами, ночными пирушками и тайнами, которые не полагалось знать двору.

— Скука смертная, Ваня, — лениво протянул Пётр, крутя в пальцах тяжелый хрустальный бокал. — Опять завтра в Верховный совет являться, бумаги подписывать, старые бороды слушать. Сил моих нет.

Иван Долгоруков усмехнулся. В свои двадцать лет он уже успел вкусить все прелести вседозволенности и прекрасно знал, как развеять хандру юного государя и заодно направить его мысли в нужное для семьи Долгоруковых русло.

— Полно кручиниться, государь, — весело отозвался Иван, подаваясь вперед и понижая голос до заговорщического шепота. — Не о бумагах нынче думать пора, а о славе кавалерской. Посмотри на себя: статен, высок, первый человек в империи, а при дворе все еще шепчутся, будто ты только псов гонять да по лесам скакать горазд. Пора бы уже и статус

свой подтвердить, распечатать какую-нибудь знатную красавицу. Вот тогда при дворе сразу поймут, что перед ними не отрок, а настоящий модный кавалер и мужчина!

Пётр вспыхнул, польщенный этим дерзким, по-мужски откровенным разговором. В его глазах зажегся мальчишеский азарт, смешанный со смущением.

— Легко тебе говорить, Ваня, — усмехнулся он, стараясь придать голосу взрослую небрежность. — У тебя в Москве на каждой улице по зазнобе. А я и не знаю, на ком бы выбор остановить. Разве что тетка Елизавета? Мы с ней на балах весьма бойко болтаем, смеется она звонко, да и собой хороша...

Иван Долгоруков презрительно махнул рукой и громко рассмеялся, откинувшись на спинку кресла.

— Помилуй, государь! Цесаревна Елизавета — она хоть и хороша, да ведь всем двором обсмотрена, да и родня она тебе слишком близкая, церковники загрызут. Нет, тут нужна птица совсем иного полета — свежая, нетронутая, чтобы весь двор от зависти ахнул. Есть у меня на примете кое-кто куда поприметней!

— «Я уж в толк не возьму, хм… Кого выбрать, чтобы не пожалеть. Разоткровенничался Петр: давеча (недавно), ты сам говорил, что под пышной юбкой иногда кривые ноги попадаются».

Ванька захохотал, запрокинув голову. Заржал, как конь боевой, что учуял задачу.

«Да, бывает, государь, всякое бывает!» подтвердил любимец. Обое приумолкли. Ванька глядел преданными глазами.

— «Но есть тут одна — тоном заговорщика, словно тайну открывая, продолжил тему царев любимец. С пошленькой такой улыбочкой: беспокоиться нечего, с архитектурой у нее всё в порядке!»

Подросток мгновенно преобразился. Сонливая вялость исчезла без следа — Пётр приподнялся на локте, подался вперед, и в его глазах вспыхнуло нетерпеливое любопытство.

— Кто же это? Не томи, Ваня, говори живо!

Иван выдержал театральную паузу, лукаво прищурился, словно решая, стоит ли открывать великую тайну, и с хитрой улыбкой произнес:

— А это моя родная сестра, княжна Екатерина.

Пётр удивленно моргнул. Он видел старшую дочь князя Алексея Григорьевича на нескольких придворных приемах, но в суете балов и охот не успел как следует разглядеть её.

— Катерина? — переспросил он. — Да она же… Тихоня, все больше в стороне держится...

«Я бы этого не сказал!» Ванька вспомнил, как сестра швыряла в него свои туфли, однако факт такой озвучивать не стал.

— Это она при народе тихоня, государь, — горячо подхватил Иван, видя, что крючок заглочен. — Ты просто не видел её так, как довелось увидеть мне! Она ведь в Польше, в Варшаве росла, у дядюшки-посланника — там в ней такая

порода, такая стать европейская вызрела, какой ни у одной московской боярышни сыскать нельзя.

Обер-камергер придвинул свое кресло ближе к оттоманке и понизил голос почти до шепота, придавая рассказу особую пикантность:

— Признаюсь тебе по дружбе, государь, хоть и грех о родной сестре такое сказывать... Случилось мне как-то утром в Горенках мимо её опочивальни проходить, а дверь сенная девка прикрыть забыла. Я и заглянул. Она только-только с постели поднялась, одеваться начинала — без корсажей этих тяжелых, без пудры, в одной тонкой голландской сорочке. Коса каштановая до пояса рассыпалась, кожа белая, как парное молоко, румянец во всю щеку, стан точеный, гибкий... У меня, поверишь ли, дух перехватило! Будто не сестра передо мной, а античная богиня из мрамора.

В комнате повисла тишина. Пётр сидел неподвижно, жадно ловя каждое слово своего друга. На его бледные щеки выступил густой, горячий румянец, дыхание стало частым. Живописная картина, так искусно нарисованная Иваном, мгновенно разбудила в четырнадцатилетнем юноше пылкое воображение и желание немедленно увидеть это чудо собственными глазами.

— И что же, она сейчас в Горенках? — глухо спросил император, стараясь скрыть волнение.

— В Горенках, государь, в двадцати верстах отсюда, — с довольной усмешкой ответил Иван, понимая, что партия уже

наполовину выиграна. — Хоть завтра можем туда на охоту завернуть. А уж там я устрою так, что ты сам сможешь убедиться, правду ли я говорю.

Пётр резко встал с оттоманки, прошелся по комнате, сжимая и разжимая пальцы, и вдруг широко, по-мальчишески улыбнулся:

— А и верно, Ваня! Собирай псарей на завтра. Поедем в Горенки.

Он еще не знал, что эта поездка станет началом конца для тайной любви его будущей невесты — и роковым поворотом в судьбе всей семьи Долгоруковых.

№ 7

Накануне вечером в Горенках допоздна горели свечи в кабинете князя Алексея Григорьевича Долгорукова. Сын Иван, прискакавший из Москвы впереди государева обоза, с горящими глазами пересказал отцу всю ту хмельную, откровенную беседу в Головинском дворце. Старый царедворец слушал молча, лишь медленно поглаживая седеющую бороду, а в его холодных, цепких глазах разгорался азарт игрока, которому на руки внезапно выпал козырной туз. В голове князя мгновенно сложился дерзкий, головокружительный план: не просто потешить каприз юного монарха, а обкрутить Петра II со своею старшей дочерью, вознести род Долгоруковых на самую вершину престола. Но Алексей Григорьевич был

слишком опытен, чтобы торопить события. Екатерине он не сказал ни слова о своих замыслах — лишь строго наказал с утра нарядиться как на самый пышный придворный выход, решив сперва присмотреться, каким боком обернется эта встреча.

И вот погожим летним днем по широкой березовой аллее к усадьбе загрохотала тяжелая, сияющая позолотой царская карета, запряженная шестеркой белых лошадей в окружении конных гвардейцев.

Парадные ворота Горенок были распахнуты настежь. На усыпанном свежим песком подъездном кругу в строгом, благоговейном ожидании выстроились сам князь Алексей Григорьевич, его супруга, младшие сыновья и обе дочери — Елена и Екатерина.

Восемнадцатилетняя Екатерина стояла чуть впереди младшей сестры, и даже в ярком солнечном свете посреди деревенской усадьбы она выглядела так, словно только что сошла с паркета европейского дворца. По негласному приказу отца сенные девушки с раннего утра трудились над её туалетом, превратив юную княжну в живое воплощение красоты и изящества. На ней было роскошное платье из переливчатого лионского шелка цвета утренней зари — нежно-розового с золотистым отливом. Тугой, расшитый серебряной канителью и мелким жемчугом корсаж подчеркивал её поразительно тонкую, почти девичью талию, а широкие фижмы заставляли пышную юбку величественно колыхаться при ма-

лейшем дуновении ветерка. Глубокое квадратное декольте, отороченное воздушным брабантским кружевом, открывало изящную линию плеч и лебединую шею, на которой поблескивала нить крупного жемчуга. Её густые каштановые волосы были убраны в высокую, сложную прическу по последней парижской моде: гладко зачесанные со лба и висков локоны венчали тугие букли на затылке, слегка припорошенные пудрой и украшенные живыми бутонами чайных роз и алмазными шпильками.

Екатерина стояла прямо, внешне спокойная, но внутри у неё всё сжималось от непонятной, тревожной тоски. Она не понимала, к чему этот внезапный царский визит и этот неуместный в деревне бальный наряд, а все её мысли по-прежнему были далеко — в Москве, рядом с графом Мелиссимо.

Тем временем карета уже въезжала в распахнутые ворота. Из бокового окошка высунулась рука в кружевной манжете и весело махнула собравшимся — это Иван Долгоруков подавал отцу условный знак: император на месте, и настроение у него самое подходящее.

И тут же следом за рукой брата в окне замедлившей ход кареты показалось лицо самого Петра II. Едва экипаж поравнялся с встречающими, юный самодержец, забыв о царственной осанке, буквально приник к раме и впился взглядом в старшую княжну Долгорукову.

В тот же миг домочадцы во главе с князем Алексеем Гри-

горьевичем склонились в низком, почтительном поклоне. Екатерина плавно опустилась в глубокий, безукоризненный придворный реверанс.

Пётр смотрел на неё во все глаза, чувствуя, как слова Ивана оживают прямо перед ним. Юный император жадно разглядывал всё: и нежный овал её лица с легким природным румянцем, проступавшим сквозь пудру, и тонкую, гибкую талию, туго охваченную шелковым корсажем, и то природное, невымученное изящество, с которым она склонила голову и расправила складки своего пышного платья. В каждом её движении сквозила та самая европейская порода, та редкая гармония, которой не было ни у одной из московских боярышень. В этой девушке было хорошо всё — от кончиков атласных туфелек до розы в высокой прическе.

Карета еще не успела окончательно остановиться, как Пётр II нетерпеливо толкнул дверцу, не дожидаясь лакеев, и легко спрыгнул на землю, не сводя восхищенного, пылающего взгляда с юной княжны Екатерины.

Широкие гравийные аллеи, расходившиеся лучами от величественного главного дома усадьбы Горенки, утопали в густой, прохладной тени вековых лип и дубов. Полуденное солнце пробивалось сквозь плотную листву золотыми бликами, рассыпаясь по подстриженным кустам и глади каскадных прудов.

По центральной аллее неспешно двигалась пара, приковывавшая к себе безмолвное, затаенное внимание всей

усадьбы. Четырнадцатилетний император Пётр II шел рядом с восемнадцатилетней княжной Екатериной Долгоруковой, бережно и в то же время по-мальчишески крепко держа её под руку. На расстоянии нескольких шагов позади, стараясь не мешать беседе, но не упуская ни единого жеста, вышагивал обер-камергер Иван Долгоруков, заложив руки за спину и зорко наблюдая за каждым движением сестры и венценосного друга.

Пётр не сводил с Екатерины восторженного, пылающего взгляда. Он даже забывал смотреть под ноги, то и дело сбиваясь с шага, чтобы заглянуть ей в лицо. Вблизи юная княжна казалась ему еще прекраснее: тонкий аромат роз, пудры и молодости кружил подростку голову сильнее любого венгерского вина. Ему отчаянно хотелось понравиться ей, показаться взрослым, галантным и интересным собеседником, и потому он засыпал её вопросами, перескакивая с одного на другое с горячей, нетерпеливой поспешностью.

— «Эх, а ведь зря не поверил!» 14 летний юнец, раскрасневшись от собственной дерзости, пытался произвести впечатление, и придумывал на ходу комплименты. Давалось это ему нелегко, так как пошлой сообразительностью своего дружка он не отличался. Вот, поймав неопределенный взгляд собеседницы, поделился новой придумкою:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.